

ВСЕГДА РАДУЙТЕСЬ

Непрестанно молитесь. За все благодарите: **Ибо таково о вас воля Божия во Христе Иисусе (1 Фес. 5, 16-18)**

СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПАСХА

«Воскресения день – просветимся, людие! Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни и от земли к небеси Христос Бог нас преведе, победную поюция!»

Этот светлый день – день Христова воскресения, день восстания Спасителя из гроба, день победы Богочеловека над тлением и смертью – повсюду тысячекратно слышатся слова пасхального тропаря: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!» И трудно к этому что-либо прибавить, сказать что-нибудь сверх того, что сказано в этих немногих словах.

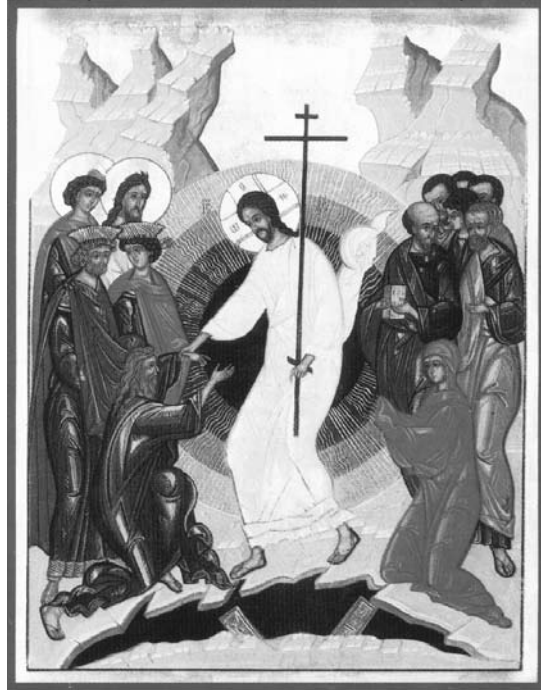
Христос воскрес из мертвых – это значит, что один из Святой Троицы, Бог Сын, став человеком, умер на кресте, но Своей властью превозмог смерть и вернул Себе жизнь. Христос воскрес из мертвых – это значит, что один из нас, будучи Богом, был распят, но восстал из гроба, положив начало всеобщему воскресению.

Христос воскрес из мертвых – это значит, что во Христе Иисусе Божественное естество неслиянно, нераздельно, неразлучно, неизменно соединилось с человеческой природой, и теперь каждый крестившийся во Христа – Бога по естеству и человека по рождению от Девы – призван, будучи по естеству человеком, стать богом по благодати.

Своей смертью Христос поправ смерть, наступил на нее, как победитель наступает ногой на грудь поверженного противника, лишил смерть ее власти, уничтожил ее силу, сломил ее мощь.

Из глубины веков доносится до нас голос пророка Осии: «Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?» Ему вторит апостол Павел, вслед за Павлом восклицает Златоустый святитель: «Воскресе

Наследники Царства

Христос, и ты низверглся еси! – говорит он, обращаясь к аду. – Воскресе Христос – и падоша демони! Воскресе Христос – и радуются ангели! Воскресе Христос – и жизнь жительствует! Воскресе Христос – и мертвый ни один во гробе!»

Да, Христос, воскресший из мертвых, даровал вечную жизнь «сущим во гробех» – тем, кто умер заживо, подпав под власть греха. Плушаем еще и еще – ибо слушать это можно бесконечно, – что говорит нам святитель Иоанн, архиепископ Константинова града, какие слова он находит, чтобы ободрить нас и укрепить наш дух: «Никтоже да рыдает убожества, явися бо общее Царство! Никтоже да плачет прегрешений, прощение бо от гроба возсия! Никтоже да убоится смерти, свободи бо нас Спасова

смерть!»

Церковь устами Златоуста приглашает нас на пир евхаристии, призывает верных принять участие в благодарении Отцу, пославшего в мир единственного Сына Своего, зовет христиан вкусить Божественной плоти и крови Спасителя нашего: «Трапеза исполнена, насладитесь вси! Телец упитанный, никтоже да изыде алчай! Вси насладитесь пира веры, вси воспримите богатство благодати!».

«Какого тельца Он называет упитанным? – говорит в другом месте златословесный Иоанн. – Какого? Которого телица Мария Дева родила... Итак, заколите Того, Кто добровольно закалается; заколите Того, Кто животворит закалающих; заколите закалаемого и не умирающего, заколите Того, Кто разнимается на части и разнимающих Его освящает; заколите вкушаемого знающими Его и никогда не истребляемого; заколите Того, Кто вкушающих Его делает блаженными».

Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав! Мы, крестившиеся, по слову апостола Павла, в смерть Христову, умершие с Ним, с Ним погребенные, – с Ним и воскреснем и будем участниками обновленной жизни, наследниками Царства, сынами Божьими.

Но, конечно, если мы христиане, если мы ученики Христа, Его последователи, то мы употребим все усилия, чтобы радость о воскресшем Спасителе разделили и те, кто ныне далек от Христа и от Церкви. Будем проповедниками не словом только, но и делом, будем свидетельствовать тайну Христова восстания из гроба воскресением собственной души, будем нести апостольское служение в духе мира и любви. И тогда наши ближние, наши родственники и друзья, увидев Христа отобразившимся в

нас, воскликнут, как некогда Фома: «Господь мой и Бог мой!» и в следующем году вместе с нами воспоют победную, ликующую песнь:

Христос воскрес из мертвых, смерти смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!

Священник Феодор Людоговский

Красивый ответ

Вслышав вопрос «Был ли ты на живом концерте Deer Purple?», мы в ответ спросим: «А ты на Пасху был на ночной службе?»

Человеческое тщеславие любит спрашивать: а у тебя такое есть? Вопрос чаще всего касается вещи, говорящей о статусе: диплом престижного вуза, машина, одежда, накладка или автограф знаменитости, если диалог происходит в среде фанатов. Иногда вопрос не звучит, но висит в воздухе. Человек ничего не спрашивает языком, зато всем своим видом показывает, что ни у кого нет такого пиджака (телефона, красивой спутницы). Для подобной ярмарки тщеславия устраиваются вечера, тусовки, балы и обеды. Взрослые люди в этих дорогих «песочницах» хвалятся труднодоступными игрушками, мысленно показывают друг другу языки и дули, и спрашивают: а у тебя такое есть? Рядышком с первым вопросом есть место второму: а там ты был? В зависимости, опять же, от качества «тусовки» и внутренних интересов, вопрос касается курортов, магазинов, экзотических стран, святых мест и так далее. Один человек зеленеет от зависти, слыша, что другой был на живом концерте Deer Purple. У другого такие же эмоции вызывает факт частого пребывания собеседника в магазинах Манхэттена. У третьего объектом зависти может быть Иерусалим или гора Афон. Объекты разные, а зависть та же.

Футбол, ралли, массажные салоны, рестораны. Ты там был? Вот они, дразнящие вопросы. Ты это видел? Ты это ел? Ты её знаешь? Овладевая методологией противника, желая раздразнить его и возбудить в нём ревность, мы тоже хотим и можем задать пару провокационных вопросов.

Наш вопрос так звучит: ты на Пасху был на ночной службе? Не говори мне про куличи, колбасу и крашеные яйца. И об этом спросим, если время придёт. Ты, повторяю вопрос, всю пасхальную ночь, преодолевая усталость, молился в храме? Уточняю вопрос. Ты восторг в эту ночь чувствовал? Ты ощущал всей душой и каждой клеткой тела, что Христос воскрес из мёртвых, что смерть побеждена, что Небо с землёй соприкоснулись? Что ради всех нас, ради тебя тоже в этот мир приходил безгрешный Христос, Который дал Себя распять и воскрес из мёртвых? Если нет, то скажи мне: как ты живёшь и зачем ты живёшь?

Продолжаем разговор. Ты хоть раз в жизни провёл пасхальную ночь в храме? Ну, не каждый год, и не в этот тоже, но хоть раз? Нет?! Позволь тебя ещё раз спросить: как ты живёшь и зачем ты живёшь?

Но кулич ты, конечно, ел и крашенками водку закусывал. А пост Великий держал? Тоже нет? Как же ты, брат, пасхальным яйцом не подавился после этого? Ведь ты весь пост ел что хотел.

Древние сказали, что благословен человек, умеющий отличать будни от праздников, а святое — от обычного. Кто святое от грешного, бытовое от возвышенного и праздничное от будничного не отличает, тот, как сказали древние, вряд ли может называться человеком.

Кто-то обиделся, кто-то разозлился, а кто-то призадумался. Для этого третьего мы и ведем разговор. Мы ведь не так говорим, как в миру говорят. В миру говорят, никого кроме себя не слушаю. В миру не говорят, а выговариваются. Пар выпускают. Язык из-за зубов, как домашнюю собачку, погулять выпускают. Поэтому и говорить могут все одновременно, перекрикивая друг друга, а потом вспомнить нельзя, о чем речь была. А мы воздух не бьем и в молоко не стреляем. Мы, если и говорим, то так, чтоб хоть один услышал. Для него одного, для него, родимого, стараемся.

Вот этому одному мы и повторим, что куда бы человек ни ездил, что бы ни съел, что бы на себя ни напялил, можно смело сказать, что ничего он не понял, ничего не видел и ничего не знает, если утро Пасхального дня не встречал он в храме на молитве; если не возвращался домой усталым и счастливым, оглушённым радостью; если не видел, как в это первое утро новой жизни просыпается и стыдливо расцветает природа.

Человек лишил себя настоящей радости. А разверзшуюся внутри ненасытимую и ненаполнимую бездну пытается засыпать культурой и искусством, сладью и страстью, грязью и мусором, сплетнями и новостями. Но бездна так глубока, что хоть самосвалами в неё песок засыпай — дна не видно. И оттого тоскует человек. А чтоб не видно было, что тоскует, приходится шуметь и плясать, болтать и смеяться. На худой конец — пить по-чёрному и развратничать по-звериному. Лишь бы забыться. А радость — она рядышком. Она в храме,

Не видело того око...

Наше представление о Рае — лишь блёклое подобие того, что такое Рай Божий на самом деле. Не хватает человеческих слов и чувств для того, чтобы выразить невообразимое. Это как если бы слепорождённым стали объяснять разницу между синим и жёлтым цветами.

Что если прекрасный храм во всём его внутреннем и внешнем благолепии попытается изобразить трёхлетний малец? Результат: «будочка с окошком и крестиком на крыше». Неровные линии цветного карандаша на листике из тетрадки. Разница между оригиналом и рисунком ребёнка весьма ощутима, хотя основная идея передана верно — не перепутает.

Человек духовный в своём понимании Раю подобен художнику, нарисовавшему тот же храм. В меру своего опыта он более-менее точно передаст и форму, и цвет на холсте. Но это — его «авторское видение», субъективное восприятие. Картина хоть и даст представление о храме, но очень уж неполное.

Когда же святые Отцы, богословы и Учителя Церкви говорили и писали о Рае, то были подобны хорошим архитекторам. Тут тебе и «фасадные планы в масштабе вычерчены», и «колонны отмечены», и «иконы обозначены»... И даже «коммуникации подведены». Всё, в принципе, понятно. И всё же, даже самый грамотный чертёж — это ещё не храм!

Лишь покинув этот мир, осознаём мы то, что уготовал Бог любящим Его. «Ух ты! Вот это да!» — даже эти слова восторга не в силах будем произнести, возрев на подлинное торжество любви Творца к сотворённому Им человеку.

Потому и стоит попытаться ещё здесь искоренить в себе все те страсти и греховные проявления души, не победив которые, мы просто не сможем там находиться. И как обидно будет неисправленному сердцу сознавать, чего лишилось оно, предпочтя временное удовольствие вечному счастью.

Игумен Валериан (Головкин)

где священник читает молитву святого Ефрема, а на Страстной поют «Чертог Твой вижду, Спасе, украшенный».

Радость в Боге, и Бог к нам близко. Как говорит апостол — недалеко от каждого из нас (Деян. 17, 27).

Поэтому, если ты, дорогой, начнёшь

рассказывать, где ты был и что ты видел, я тебя перебивать не буду, хоть и вряд ли заинтересуюсь. Но, дослушав до конца, спрошу в ответ: Ты в пасхальную ночь плакал в храме от радости? И

если на этот вопрос ты скажешь «нет» или даже не поймешь вопроса, то я сам готов буду заплакать.

Не от радости, конечно, а оттого, что потерял себя человек и настолько

забыл о Доме, что даже дорогу назад не ищет.

**Протоиерей
Андрей Ткачев**

О Светлом Христовом Воскресении

Пасха – это совершенный день – день торжества Жизни над смертью, в который Господь явил Себя как победителя и освободителя людей от рабства страху смерти.

Когда Господь воскрес, распространилось Евангелие о том, что Христос воскрес и даровал дар воскресения людям, и смерть потеряла свой ужас. Хотя и знаем, что смерть — это что-то из ряда вон выходящее, но в свете Пасхи мы зовем смерть сном, упокоением.

Христос открывает Своим ученикам Свою славу, вводит их в нее. Он является им еще сорок дней после Своего Воскресения и в течение этих сорока дней учит их тайнам жизни вечной.

Пасха – это изобилие света, торжества, радости. Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав! В этом заключено все, чего чает человеческая душа, все, к чему она хочет приобщиться.

Пасха – основное событие в жизни Православной Церкви, конец и завершение всего того, что принес Господь, родившись в нашем мире.

Это торжество евангельского чаяния. Это исполнение его закона. Это осуществление Его завета. В еще пасхальные дни, на Пятидесятницу, была основана Церковь Новозаветная.

Поэтому апостол Павел говорит: «Если Христос не воскрес, то тщетна вера наша». Наше упование будет добрым, но оно не получит своей завершенности. Основа нашей веры – факт Воскресения Христа.

Почему Спаситель являлся ученикам не один день, а множество раз, давал ученикам Своим свидетельства, позволял Тело Свое видеть и ощущать руками, беседовал и вкушал перед ними пищу?

Потому что Пасха – это свет и уверение в жизни будущего века, слава Царствия Божьего, которое стало воочию зримо, ощутимо, проповедано Святой Церковью.

Потому что Воскресение – это уже не мифы, которые тысячелетиями проповедовало язычество.

Воскресение – явно, и апостол так и говорит: мы не проповедуем сочиненные баснословцами сказки, а говорим о фактах, которые сами видели и сами ощущали – что Христос умер и Христос воскрес.

Это стало основой, зерном проповеди, которая потом пошла по всему миру после Воскресения Христова. Ученики Его даже боялись что-то добавлять к этому. Потому что прилагать к этому факту что-то человеческое – невозможно.

Именно это и было заповедано апостолам: идите, проповедуйте, говорите, что вы видели, чему были свидетелями – Я умер и Я воскрес.

Так Христос исполнил все чаяния и заветы. «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь».

Протоиерей Георгий Бреев

Чистая правда

Впечатления детства – обычно самые сильные. Как-то задумалась, а что я помню о Пасхе с детских времен? Оказывается, почти ничего, кроме битых крашенков и обильного стола. Где находится церковь – толком даже не знала.

Когда наступило раннее отрочество, очень хотелось влипнуть во что-то эдакое, непохожее на обычное, повседневное, рутинное. Рядом всегда были поддерживающие любые авантюрные начинания подружки. И кто-то из нас, четырнадцатилетних, предложил: «А давайте на Пасху в церковь сходим, на всю ночь!»

«На всю ночь» звучало заманчиво, намного привлекательнее, чем сама Пасха. Как же здорово, как взрослым, пойти куда-то в церковь, находящуюся в дремучем лесу, и там провести всю ночь. Потрясающе! Сногшибательно! Нереально... Ну, кто отпустит? Как осуществить?

Уговоры родителей начались примерно за месяц до намеченного события. В ход пошли не только проверенные методы воздействия в виде «умоляний» и обещаний выучить физику на год вперед, но и экспромты.

А тяжелее всех пришлось мне, мои

родители оставались несгибаемыми, даже когда оборона старшего поколения других соратниц, наконец, пала, и все до одной праздновали победу. Девчонки пророчили мне полное фиаско. И действительно: нытье, настаивание на своем – ничего не помогало. Но я не унывала, а искала выход.

«К каждому родителю, — думала я ночи напролет, — нужен свой, индивидуальный подход. Главное, уговорить маму, это 80% успеха. Как достучаться к маме? Только через ее сердце». И тут же босиком пошлепала в комнату родителей. Да, это надо было сделать именно ночью, чтобы стало понятно, насколько все важно. «Мама-а!», — свистящим шепотом с надрывом сказала я, встав на колени перед широкой кроватью. Если дочка будит ночью, заламывая руки и еле сдерживая слезы, значит, что-то случилось. Мама молча прогнала остатки сна, обняла меня, и мы пошли в «женскую переговорную» — кухню. Мы были как два приведения, в воздушных белоснежных рубашках сидящие в кромешной тьме на табуретках. Свет включать не хотелось, чтобы не испортить впечатления. Мама с тревогой смотрела на меня, а я все заглядывала в ее глаза и, наконец,

выдала: «Мам, я влюбилась!».

Послышался вздох, а я поспешила призвать на помощь красноречие: «Ты понимаешь, это первая в жизни любовь, она необыкновенная, самая настоящая, единственная и на всю жизнь». Надо сказать, что с этим светлым чувством в свои года я еще не успела познакомиться, но недаром же была прочитана классика великих поэтов и писателей!

«Дочка, любовь – это прекрасно, — с улыбкой сказала мама, — только нужно, чтобы она была чистой и действительно настоящей. Рановато что-то. Что ж, дружите, общайтесь, только не надейтесь на глупостей. А кто он, что за мальчик, из какой семьи?».

Я решила не мелочиться и назвала имя самого красивого мальчика с параллельного класса. «Понимаешь, — воодушевленно говорила я, — с ним здорово, он самый лучший». «Знаю эту семью, хороший мальчик, порядочные родители. Почему же ты плачешь?», — «Да потому, что они переезжают в другой город! — всхлинула я, — он уезжает, и мы будем долгие годы только переписываться». «Бедная моя, жаль, конечно, но ничего не поделаешь. А когда они переезжают?». «На следующий день после Пасхи! — с ревом сказала я, уже полностью не только ощутив, но и поверив в свое

горе, — и я тебя прошу, я умоляю тебя, мама, отпусти меня ночью в церковь, он будет вместе с нами там, с ним не страшно! А больше у нас долго не будет возможности увидеться. Я запомню его навсегда, и может быть, мы еще когда-нибудь встретимся... Пожалуйста, отпусти, иначе разобьется вся моя жизнь», — уже погружаясь в дебри трагичности, добавила я.

Мама долго и внимательно смотрела на меня, по ее молчанию я поняла, что она не только поверила, но и переживает. Стало стыдно, но я не отступала, я знала свою маму.

Со стороны — сплошная дикость. Отпустить четырнадцатилетнюю дочку на ночную прогулку с подружками под предводительством воздыхателя — риск, глупость. Мы говорили еще долго, а когда уже стало светать, мама сказал: «Я доверяю тебе, потому что понимаю тебя. Я чувствую, что сейчас с тобой происходит, как это важно для тебя. Только не обмани меня, будь очень осторожной и не натвори ошибок». Я в ответ преданно и радостно кивала головой.

Поздним весенним вечером четыре девчонки и старший брат одной из них шли гуськом по пыльной дорожке, ведущей к лесу. Мы были подготовлены по полной и очень похожи друг на друга: накрученные локоны зафиксированы лаком с блестками, джинсы-«мальвины» едва доходят до щиколоток, в руках — по непонятному куличики, а в душе — неопишуемый праздник.

Праздник — от того, что вот она, ночь, вот он, лес, а мы идем и болтаем весело и непрерывно. Это было самое удивительное приключение за всю «такую долгую» жизнь. Ночью стало жутко холодно, а нам от этого было еще веселее. У церкви толпилось много людей, самых разнообразных: благочестивые бабушки в красных праздничных платочках и подвыпившая шумная молодежь. Людей среднего возраста почти не было.

Мы увидели кое-кого из одноклассников и старших знакомых. Оживленно общались, смеялись, а бабушки вздыхали и уходили в сторонку. Мы были теми, кто портил этот Праздник. Но вскоре нам захотелось замолчать...

Я жадно наблюдала за всем, что происходит. Мне казалось, что участвую в потрясающей театральной постановке, где мне посчастливилось играть одну из ролей. Память на всю жизнь оставила мне этот подарок: вспышку света в темном лесу, звон колоколов, ликование людей, ког-

да старушки обнимались с нами и плакали от радости, громкий голос священника в необыкновенном, почти светящемся облачении: «Христос Воскресе!», и радостный людской многоголосый ответ: «Воистину Воскресе!».

Правда, я почти не знала тогда, кто такой Христос, но думала: Он потрясающий, если о Нем так радуются. Я не помнила дороги назад, я закрывала глаза и вспоминала яркий свет, возгласы: «Христос Воскресе!». Было неведомое чувство: когда улицы, деревья, дома были не привычными, а совсем новыми, яркими. Сонный город просыпался, а я бежала домой.

Увидела склонившуюся у окна маму, задремавшую после бессонной ночи, крепко обняла ее и сказала: «Спасибо тебе, ты у меня необыкновенная!». И с улыбкой, напевая незнакомые ранее мелодии, услышанные ночью, рухнула в кровать. Сквозь сон услышала папин голос: «Что это с ней?». «Она влюблена», — тихо сказала мама. И я поняла, что это чистая правда.

Только поняла я это десятилетия спустя. Тогда, в 14 лет, ко мне действительно пришла первая настоящая Любовь, делающая необыкновенным все вокруг. Пришла ласково и торжественно, под звон колоколов и теплый майский свет в ночном лесу. Потом это чувство затерялось, затопталось, ушло, казалось, навсегда. Вернулось оно, лишь когда я выросла. «Как же я соскучилась», — сказала мне тогда душа, а я молчала, знала, что виновата. Какой будет эта Любовь, когда я буду прощаться с миром — я не знаю...

Но недавно я увидела, какой эта Любовь бывает у других.

Однажды, три весны назад, когда до Праздника Пасхи оставались считанные дни, я набралась смелости и подошла к начальнице отдела: «Ириночка Евгев-на, я вот все сделала, и вообще я в эту неделю почти ударница, — начальница с унылой улыбкой кивала головой и взглядом спрашивала, к чему я клоню, — а дайте мне отгул на понедельник после Пасхи».

Моя просьба была воспринята вполне благожелательно. Праздник Воскресения Господня наступил, а на следующий день, когда закончилась утренняя служба, ко мне подошли прихожанки и деловито вручили полную корзину яиц и куличиков.

Впереди — приятное мероприятие: пройти по всем отделениям рядом стоящей больницы и дома престарелых и каждому вручить пасхальные

подарки. Нас было около 15 человек, мы жмурились уже по-настоящему теплому солнцу, снимая плащи, и радовались Празднику, погоде, хорошему предстоящему делу, а я еще и свободе. Лишний день, который можно провести вне стен офиса, был для меня царским подарком.

«Христос Воскресе!», — открывали мы двери палат и ставили на тумбочки пасхальные подарки. Больные очень радовались, с улыбкой отвечали: «Воистину...», и понимали, что и для них праздник наступил. Больше всего человек ощущает свое одиночество в больнице. Оживлялись все отделения: мужчины поднимали ящики с подарками, мы мотались по этажам, медсестры, больные, врачи — счастливо улыбались, спрашивали подробнее о празднике, махали на прощание руками.

Когда стали обходить дом престарелых, чувства мои смешались. Разные этажи — разные социальные уровни проживающих. У одних практически гостиничные номера класса «premium» — на одного проживающего, с шелковыми постелями, мягкой мебелью и встроенной кухней.

Другие — обитатели верхних этажей, — ютились по 8 человек в узких с тяжелым запахом комнатах, лежа на давно не стиранных простынях.

Но глаза — почти у всех одинаковые, в них — одиночество, вне зависимости от этажа и наличия мягкой мебели.

А одна старушка запомнилась мне на всю жизнь, потому что ее глаза были, у единственной, другие. Она должна была, наверное, скоро умереть. Лежала старушка на самом верхнем этаже, в многолюдной палате. Лежала почти неодетая, едва прикрытая скотканной простыней, которая не скрывала язв и пролежней на сморщенном, худом теле.

Желтые морщинистые руки она сложила на груди, как перед причастием, смотрела куда-то вдаль, не в потолок, а будто сквозь все перегородки и перекрытия — туда, где должно быть солнце. И улыбалась... А в глазах — умиротворение и покой.

Эти глаза уже знали все о Вечности и, может быть, видели Того, Кто был распят ради простой истины: Любовь согревает до последнего часа, когда она неподдельная. И это самая чистая правда, дарованная нам дорогой ценой.

Елена Вербенина

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЭТУ ГАЗЕТУ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЦЕЛЯХ. ЕСЛИ ОНА СТАЛА НЕ НУЖНА, ОТДАЙТЕ ЕЕ ДРУГИМ ЛЮДЯМ ИЛИ ПРИНЕСИТЕ В ХРАМ.

Печатный орган прихода храма «Преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких». Тираж 200.

Настоятель прихода священник Алексей Суханов (тел. 8 904 410 8101). Распространяется бесплатно.

www.hram-v-kotlubani.ru